

Василий Щукин

Размышления о русском европеизме

Что такое русский европеизм? Когда и как он возник? Представляет ли он собою достаточно мощную и вполне сросшуюся со всем строем нашего бытия тенденцию развития русской нации и российского государства или же имеет второстепенное значение? Эти и другие подобные вопросы тревожат сознание европейцев уже несколько веков, возникают они и сегодня, когда ряд стран Центральной и Восточной Европы – но всё еще не Россия – стоит на пороге вступления в Европейский Союз. Чтобы ответить на них, нужно обратиться к истории нашего субконтинента.

Русский европеизм – умонастроение значительной части русской интеллигенции, опирающееся на многовековую культурную традицию¹. Вопреки распространенному мнению, он появился в России не в результате преобразований, имевших место в эпоху Петра Великого, а заявил о себе одновременно с русской государственностью. Возникшее в середине IX века на востоке Европы государство Рюриковичей было не менее европейским, чем появившиеся приблизительно в то же самое время на политической карте субконтинента Польша, Чехия, Паннония (Венгрия) или Сербия. Располагаясь вдоль торгового пути «из варяг в греки», на оси Север-Юг (а не Восток-Запад, как гласит расхожее мнение), Киево-Новгородская Русь вбирала культурные влияния как германской Скандинавии, так и, с помощью болгарского посредничества, Византии – прямой

¹ Проевропейскому умонастроению во все времена противостояло автоэтноцентрическое, историческими модификациями которого были традиционализм, изоляционизм, славянофильство (русофильство), почвенничество, панславизм, евразийство. В свое время Александр Койре назвал западников и славянофилов «продолжателями и наследниками двух традиционных умонастроений (*attitudes mentales*), существовавших в их стране перед лицом европейской цивилизации, (А. Койрэ, *La philosophie et le problème national en Russie u début du XIX siècle*, Paris 1929, p. 10).

наследницы эллинского Востока и римского Запада². И хотя наши сведения о тех далеких временах весьма скупы, можно с полной уверенностью говорить о том, что европеизм был не особым, обращавшим на себя внимание настроением культурной элиты, а вполне естественным, изначальным идеологическим фоном русской жизни.

Само собой разумеется, что подобные утверждения могут иметь силу только в том случае, если мы отвергнем как в корне неверное, но широко распространенное мнение, согласно которому «Европа» означает то же самое, что и «латинская Европа», а всё византийское, то есть эллинское и, шире, восточнохристианское³, европейским не признается. Так, например, в фундаментальном труде Эрнста-Роберта Курциуса *Европейская литература и латинское средневековье* (1948)⁴, в отличие, скажем, от равноценной ему по значению Исторической поэтики Александра Веселовского (1870–1906), европейская культура (зачастую именуемая Курциусом «западной») отождествляется с латинской, а Византия вообще не рассматривается. Правда, жители Западной Европы могут сказать, что самые большие проблемы в процессе европейской интеграции и усвоения того, что не совсем удачно именуется западными ценностями, не случайно возникают именно с членами «византийского содружества наций»: с Арменией, Болгарией, Грецией, Грузией, Кипром, Россией, Румынией, Сербией⁵. Нельзя забывать и о том, что на протяжении своей многовековой истории Византия подвергалась сильному влиянию настоящего Востока – Персии, Арабского халифата и даже Индии. И тем не менее Востоком и тем более Азией ее, равно как и ее «дочерние» культуры, назвать никак нельзя. И потому о русском европеизме можно говорить именно потому, что Европа не кончается там, где кончается латинская образованность.

² Сошлюсь на авторитетное мнение академика Д.С. Лихачева: «Если определять культуру Руси как соединяющую главные культуры Европы X–XII веков, то ее следует определять как Скандовизантию, а не как Евразию» (Д.С. Лихачев, *О русской интеллигенции* // Д.С. Лихачев, *Об интеллигенции*, Санкт-Петербург 1997, с. 25; ср. там же, с. 23–26).

³ Не только православное, но и, к примеру, относящееся к армяно-григорианскому или антиохийскому культурному ареалу.

⁴ E. R. Curtius, *Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter*, Bern 1948. Польский перевод: *Literatura europejska i łacińskie średniowiecze*. Tłumaczenie i opracowanie Andrzej Borowski, Kraków 1997.

⁵ Ср.: D. Obolensky, *The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe, 500–1453*, London 1971. Русский перевод: Д. Оболенский, *Византийское содружество наций*, Москва 1998.

Киево-Новгородская Русь была полноправным европейским государством прежде всего в силу того, что в ней еще до принятия христианства были созданы предпосылки для развития краеугольного камня европейской культуры – **личностного начала**. Этому способствовал, среди прочего, ее торговый характер, свободное и успешное развитие городов, а после принятия христианства – также бурное развитие духовной культуры и книжной образованности⁶. Вместе с христианством пришел на Русь еще один фундаментальный принцип европейского мышления и миропонимания – представление о поступательном движении времени и человеческой истории, о прогрессе. Отметим одну существенную деталь: христианская культура достигла Руси еще до разделения церковью, а следовательно, отношение к католицизму как к ереси изначально не было обязательным и страна не оказывалась в непримиримой оппозиции к латинскому западу Европы.

Степени развития европеизма на Руси IX–XII веков не следует, однако, преувеличивать. После величайшей национальной трагедии, которую пережила наша страна в XIII веке⁷, становится фактом то обстоятельство, что доселе многочисленные европейские элементы русской жизни оказались слишком слабыми, хрупкими, чтобы без ущерба перенести жесточайшее ордынское иго. «Именно это иго установило непроходимую стену с Западом, но не установило прочных культурных связей с Востоком»⁸, – справедливо замечает Д.С. Лихачев. Великая Степь навязала Руси право военной деспотии, государства-армии. По монгольскому праву на землю были уничтожены те первичные элементы частного земельного владения, которое лежит в основе основополагающего европейского принципа частной собственности⁹: право на временное пользование землей давал ханский ярлык.

⁶ Ср.: В.К. Кантор, *Феномен русского европейца*, Москва 1999, С. 24–26.

⁷ Заметим, что как раз в XIII веке в Западной Европе появляются первые признаки, свидетельствующие о начале новой эпохи – более секуляризованного и прагматичного «времени купцов», которое пришло на смену «священному времени» раннего Средневековья (J. Le Goff, *Czas Kościoła i czas kupca // Czas w kulturze*. Wybrał, opracował, wstępem opatrzył Andrzej Zajączkowski, Warszawa 1988, s. 331–353). Начиная приблизительно с 1350 года с кафедр западноевропейских университетов провозглашаются идеи гуманистов, которые, вслед за Протагором, объявили человека мерой всех вещей (J. Le Goff, *Kultura średniowiecznej Europy*. Przełożyła H. Szymańska-Groszowa, Warszawa 1994, s. 362).

⁸ Д.С. Лихачев, *О русской интеллигенции...*, С. 17–18.

⁹ См.: К.А. Неволин, *История российских законов* // К.А. Неволин, *Полное собрание сочинений*, т. IV, Санкт-Петербург 1858, С. 136.

Наиболее коварный удар был нанесен Церкви – главной хранительнице европейской духовности и книжной образованности. В 1266 году ханом Менгу-Тимуром русскому духовенству был вручен ярлык, по которому утверждались привилегии для этой социальной группы, включая членов семей: в частности, церковные и монастырские угодья не платили налога, все «церковные люди» были освобождены от военной службы, а монгольским чиновникам запрещалось под страхом смерти отбирать церковные земли и заставлять духовенство работать на себя. В качестве благодарности за дарованные привилегии от священников и монахов ожидалось, что они будут молить Бога за Менгу-Тимура, за его семью и наследников. Ярлык обеспечивал лояльность наиболее образованной социальной группы на Руси, которая пользовалась авторитетом среди народа. Благодаря ему монголы могли ожидать, что «русский дух сопротивления хану будет существенно ослаблен»¹⁰.

Церковь уцелела, в материальном отношении она могла даже процветать, но ценою этого стал полный отказ от проповеди христианских идей личного выбора и человеческого достоинства даже в той зачаточной форме, в которой они были приемлемы в Европе в высокой фазе Средневековья. Духовенство стало прислужником всякой власти. Более того: в последующие столетия Церковь «препятствовала всеми возможными средствами и способами проникновению в Московскую Русь даже малейшей западноевропейской образованности»¹¹. «Мы видим много иерархов, но ни одного святого»¹², – с грустью замечал выдающийся русский мыслитель Георгий Федотов, назвавший этот процесс «трагедий древнерусской святости».

В религиозной жизни Руси, – писал он, – устанавливается надолго тот тип уставного благочестия, «обрядового исповедничества», который поражал всех иностранцев и казался тяжким даже православным грекам, при всем их восхищении. Наряду с этим жизнь, как семейная, так и общественная, тяжелеет. Если для Грозного самое ревностное обрядовое благочестие совместимо с утонченной жестокостью (опричнина задумана как монашеский орден), то и вообще на Руси жестокость, разврат и чувственность легко уживаются с обрядовой строгостью. Те отрицательные стороны быта, в которых видели влияние татарщины, развиваются особенно с XVI века¹³.

¹⁰ Г.В. Вернадский, *Монголы и Русь*, Тверь–Москва 1997, С. 172–173.

¹¹ В.К. Кантор, *Феномен русского европейца...*, С. 131.

¹² Г.П. Федотов, *Святые Древней Руси*, Paris 1985, С. 189.

В самом деле, ближе к XVI веку, уже после короткого, но великолепного русского Предвозрождения конца XIV – начала XV веков, ознаменовавшегося именами Сергия Радонежского и Андрея Рублева, строительством Успенского собора и кремлевских стен, украшенных итальянскими «ласточкиными хвостами», обскурантизм, ксенофобия и прочая «татарщина», давно проникшая в кровь московских князей, постепенно становится естественным образом жизни и простого народа, и немногих образованных москвитов. Из страны процветающих городов Русь превращается в огромную державу, во многом состоявшую из «пустых», неосвоенных земель со значительным преобладанием сельского населения. Городские сословия – ремесленники, купечество – были слишком малочисленны и лишены элементарных прав¹⁴. Города развивались, но во многом не благодаря, а вопреки существовавшему общественному строю и политическому режиму – а ведь европейская культура Нового времени, которое во всей Европе, включая Россию, приходило на смену Средневековью, была по своей природе чисто городской культурой. Одним словом, трудности, с которыми сталкивался дух Европы, который не раз пытался прорваться в Московию, оказались неимоверными.

Размеры национальной катастрофы, которую являю собою ордынское иго, трудно преувеличить. И тем не менее видеть в Золотой Орде единственную причину российской отсталости и явного отклонения от европейского пути развития было бы несправедливо¹⁵. Повторим ранее сказанное: европейские начала русской жизни были в XIII веке еще очень хрупкими и неустойчивыми. В любой стране, принявшей на рубеже первого и второго тысячелетия христианство и сделавшей таким образом выбор в пользу Европы, такие фундаментальные основы европейской цивилизации, как частная собственность, правопорядок, корпоративная организация общества снизу, принципы личного достоинства и созидания во имя прогресса, прививались с большими трудностями, и даже ныне, в XXI веке, еще не стали очевидными ни в Польше, ни в Венгрии, ни в Греции. Россия в этом смысле никакое не исключение. Однако Киево-Новгородской Руси, а затем России было труднее других. Достаточно взглянуть на карту: расположенная не на европейском субконтиненте, а к северу и востоку от него, на материке, без

¹³ Там же.

¹⁴ Ср.: В.К. Кантор, *Феномен русского европейца...*, С. 27, 29.

¹⁵ Подобная точка зрения представлена, напр., там же, С. 27–32. Высказывается она и в других работах В.К. Кантора.

естественных границ, раскрытая в сторону необозримых северных лесов и азиатских степей, Русь с самого начала своего существования была бесформенной страной, занимавшей огромную необжитую территорию с немногочисленным населением. Ей никогда не суждено было испытать ощущение европейской субконтинентальной тесноты, скученности, перенаселенности, которая впоследствии оказалась благословенной для Западной Европы, заставив ее перейти от экстенсивного хозяйствования к интенсивному. Необыкновенно суровые по сравнению со всей остальной Европой климатические условия, скудость почв на севере и постоянные набеги степных кочевников на юге – уже этого, без ордынского ига, было вполне достаточно, чтобы создать серьезные преграды на пути развития личностного начала и других основ европейской цивилизации¹⁶. Вследствие вышеупомянутого формирование на Руси вотчинного государства неевропейского типа началось задолго до татаро-монгольского нашествия¹⁷.

Непросто обстоят дела и с Византией – главным источником европейской образованности на Руси. С одной стороны, на протяжении раннего Средневековья, вплоть до латинского завоевания 1204 года, Византия была наиболее развитой в культурном отношении страной средиземноморского бассейна, веками вызывавшей зависть европейского Запада¹⁸. Достаточно вспомнить о том, что византийские греки по праву называли себя ромеями, ибо история их державы была прямым продолжением истории Древнего Рима, а античное наследие на Востоке не подверглось ни материальному уничтожению, ни забвению, хотя, конечно, средневековая христианская модель культуры во многом проявила себя как антитезис по отношению к гармоническому космизму древних эллинов¹⁹. Однако с другой стороны, начиная уже с трагического VII века, столетия многочисленных внутренних распрей и арабских завоеваний, Византия пережи-

¹⁶ Значение географического и, в частности, климатического фактора в истории России огромно. Блестящая характеристика русских природных условий содержится в классическом труде Ричарда Пайпса – R. Pipes, *Russia under the Old Regime*, Cambridge, Mass. 1974 (ссылаюсь на русский перевод: Р. Пайпс, *Россия при старом режиме*. Перевод с английского Владимира Козловского, Кембридж (Массачусетс) 1981, С. 1–20. Существует польское издание этой книги: R. Pipes, *Rosja carów*. Tłumaczył z angielskiego Jarosław Bratkiewicz. Przekład przejrzał, poprawił i uzupełnił Paweł Piotr Wieczorkiewicz, Warszawa 1990).

¹⁷ Ср. там же, С. 33–73.

¹⁸ Ср.: J. Le Goff, *Kultura średniowiecznej Europy...*, s. 151–157.

¹⁹ См., напр.: С. Аверинцев, *Поэтика ранневизантийской литературы*, Москва 1997, С. 88–113.

вала постепенно углублявшийся кризис, который привел к ее культурному упадку. К тому же в византийской политической и духовной культуре все более давали о себе знать восточные, главным образом персидские и арабские влияния: органичными элементами жизни становились такие вещи, как мистическая созерцательность, фаталистическая пассивность или сокрытие неудобной правды за пышными фасадами и мастерски разыгранным театрализованным действием²⁰. Именно такую Византию увидели русские люди в X веке. Приближая их к уходящей в прошлое раннесредневековой Европе, наследие империи ромеев в то же самое время затрудняло их поиск Европы грядущей.

Двойственную роль играло и православие – важнейший идеологический комплекс, унаследованный Русью из Второго Рима²¹. Оно также самым активным образом приобщало обитателей русских земель к средиземноморскому материальному и духовному наследию – к архитектурным постройкам, в облике которых скрывались детали, столь близкие римскому и эллинскому миру, к иконописи, возникшей на Синае, но помнившей еще фаяумские портреты, к церковному пению, прототипом которого были античные каноны и гимны и, наконец, к философии стоиков и неоплатоников, чью мудрость вобрало в себя восточное христианство. Более того: стремившись сохранить благодатный источник веры в его первоизданном виде и как можно меньше вторгаться в дела мира сего, православие в чисто религиозном отношении обладало рядом достоинств по сравнению с католичеством, которому не всегда удавалось уберечься от формализма, схоластики, примата догматов веры и канонического права над Божественным Откровением и даже от прямого политического действия, что вряд ли соответствовало духу и букве Священного Писания.

Однако вне области чистой религии, в широком социально-историческом и культурном контексте те же самые достоинства оборачивались недостатками. В православном мире не существовало творческого конфликта духовной и светской власти, который на Западе неизменно способствовал общественному прогрессу, принуждая к реформам как сильных мира сего, так и саму Церковь. Благоприятное воздействие Православной Церкви

²⁰ Подробнее см.: З.В. Удальцова, *Византийская культура*, Москва 1988, С. 58–59, 77, 158–164.

²¹ Диалектика культурного воздействия византийского православия и его адаптации на русской почве подробнее прослежена мною в работе: В. Шукин, *Христианский Восток и топика русской культуры*, «Вопросы философии» 1995, № 4, С. 55–67.

на общественные процессы было сведено к абсолютному минимуму, а начиная с XIII века, в эпоху военной и политической экспансии латинского Запада и мусульманского Востока, в деятельности Церкви все более давал о себе знать комплекс осажденной крепости, на несколько веков прервавший творческое развитие восточного христианства и способствовавший росту консервативных и мистико-фаталистических тенденций. Все это обернулось тяжелейшими последствиями для византийской культурной ойкумены. Приведу лишь один яркий пример: последняя значительная религиозно-философская концепция, появившаяся в обреченной на гибель Византии, – исихазм – явилась главной идеологической причиной того, что ни одной из православных стран Европы не суждено было испытать обновляющего веяния Возрождения. В богословских спорах XIV–XV веков исихастам удалось одержать победу над гуманистами²², идеи которых ассоциировались, увы, с латинской «ересью», с ее исповедниками, которые не раз разоряли и грабили Константинополь, с коварными замыслами пап и вообще с Западом, отступившим, как казалось, от самого духа христианской веры в тот момент, когда личное достоинство человека было поставлено на небывало высокий пьедестал. Таким образом, православная Русь, ставшая к концу XV столетия духовным и политическим центром поствизантийской ойкумены, явилась восприимчивой антигуманистической идеологии, провозглашавшей косность во имя чистоты и нерушимости традиции²³. Традиции, которая отгораживала наследницу Византии от оживляющего света, который к тому времени шел не с берегов Босфора, а из той части Европы, где восторжествовал Ренессанс²⁴.

В домонгольские же времена ни размеры страны, ни ее географическое положение, ни природные условия, ни архаичная структура общества и система хозяйствования, ни заимствованные с юга политические и идеологические модели не способствовали формированию на Руси принципов свободной воли, личного достоинства, личной ответственности и инициа-

²² См.: З.В. Удальцова, *Византийская культура*, С. 247–249.

²³ Это зачастую происходило вопреки официальному антивизантизму политических и церковных кругов Москвы, резко критиковавших присоединение Константинополя к Флорентийской унии 1439 года. Ср.: В. Аржанухин, *Исихазм // Идеи в России. Idee w Rosji. Ideas in Russia. Leksykon rosyjsko-polsko-angielski*. Pod redakcją A. de Lazari, t. 2, Łódź 1999, s. 186.

²⁴ Подробнее о процессе восприятия и трансформации византийского культурного наследия в странах Восточной Европы см. в кн.: D. Obolensky, *The Byzantine Inheritance of East Europe*, London 1982.

тивы – этих неизменных основ европейского образа жизни. И все же личностное начало укреплялось и совершенствовалось. Свидетельство тому – свод законов *Русская правда*, и такие выдающиеся памятники древнерусской письменности, как *Слово о полку Игореве*, *Поучение Владимира Мономаха* или *Моление Даниила Заточника*. По всей вероятности, прав был Г. В. Плеханов, который с позиций «умеренного пессимизма» отмечал, что исторический тип свободного и обладавшего собственностью на землю дружинника (воя) пусть с большим трудом, с большим опозданием по сравнению с соседней Польшей, но все же появился, а следовательно, и на Руси личность прокладывала себе дорогу²⁵. Однако дальнейшее развитие личностного начала было трагически прервано после вторжения монголов и установления вотчинных порядков.

Вернемся к русскому европеизму. Если до татарского нашествия и до последовавшей изоляции от Европы он был на Руси естественным идеологическим «фоном», то в последующие столетия за европейские ценности надо было бороться²⁶. Ориентация на Европу (включая сюда и греческую образованность, которая все чаще казалась в Москве подозрительной) означала сознательный выбор оппозиционной модели мышления и поведения. Проевропейское умонастроение в Московской Руси неизбежно становилось *европеизмом вопреки* – вопреки официальному политическому курсу, вопреки установившимся нравам, вопреки «древнему благочестию». Русские европейцы воспринимались как своего рода вероотступники, «диссиденты». Судьбы Нила Сорского, Вассиана Патрикеева и в особенности Максима Грека, долгие годы просидевшего в каменном мешке, говорят сами за себя²⁷. Заметим, однако, что такого рода европеизм постоянно присутствовал на периферии московского идеологического горизонта, и практически каждый из московских князей, а затем царей, от Ивана III до Петра I, более или менее успешно старался расширить и укрепить связи с Западом, а это означало, что европеизм не только пассивно

²⁵ Г. В. Плеханов, *История русской общественной мысли*, [кн. I], Москва-Ленинград 1925, С. 50–55.

²⁶ А значит, приходилось бороться против «ценностей» азиатских, а точнее, против принципов Великой Степи, ставших органичным элементом московской политики.

²⁷ Упомянутые «старцы заволжские», участники русской интеллектуальной оппозиции конца XV – начала XVI века, были особым рода европейцами – консервативными исихастами, выступавшими с резкой критикой ренессансного гуманизма. И все же их просвещенная позиция была европейской и не никак не вписывалась в логику Великой Степи.

существовал, но и активно воздействовал на политику²⁸. Как метко заметил Плеханов, «выгодная для прогресса русская историческая особенность заключалась в том, что, став Азией и победив Азию (татар), Россия медленно стала поворачиваться в сторону Запада»²⁹.

Принято считать, что русское Средневековье продолжалось вплоть до XVII века. Но уже в XV столетии Москва имела возможность познакомиться с итальянским гуманизмом, и, несмотря на все предрассудки и мощное попятное движение, несмотря на ожесточенное сопротивление иерархов Церкви, а накануне петровских реформ также диссидентов-старообрядцев, дух Нового времени постепенно завоевывал в России все новые и новые позиции. Начиная с XVI века, когда Ренессанс восторжествовал в соседних странах Восточной Европы – в Чехии, Венгрии, но прежде всего в Польше, в открытое политическое противоборство с которой вступила Россия, все западное уже не могло не восприниматься иначе, как эманация личностно-гуманистического духа. Отныне русский «европеизм вопреки» принимает по преимуществу ренессансный характер и становится главной движущей силой **модернизации** – мучительной перестройки экономических, социальных, культурных и прочих структур, включая и такие «деликатные» области, как общественная и личная психология, бытовое поведение и образ мысли.

Модернизация – сложный комплекс процессов, сопровождающих переход от традиционных патриархальных структур

²⁸ См. об этом: С.Ф. Платонов, *Москва и Запад*, Берлин 1926.

²⁹ Г.В. Плеханов, *История...*, [кн. I], С. 100. Существует и другая точка зрения, особенно популярная у украинских авторов. Согласно ей, Московия изначально возникла как азиатское государство, провинция Золотой Орды, и никогда Европой не была. Наследниками Киевской Руси, где европейские традиции развивались без особых преград вплоть до «московского завоевания», явились Украина и Белоруссия, вошедшие в состав Польско-Литовской империи. Согласно этой точке зрения, «азиатская» Московия узурпировала себе право называться Русью (Россией), а русские историки «незаконно» вели повествование о своей стране, начиная с европейца Рюрика, а не, допустим, с «азиата» Ивана Калиты. Разумеется, в контексте этой теории вполне разделяемая мною мысль Д.С. Лихачева о исконно европейском характере единого (Киево-Новгородско-Полоцкого) русского государства (Д.С. Лихачев, *О русской интеллигенции...*, С. 24–26) теряет всякий смысл. В этом случае и «европеизм вопреки» мог возникнуть в «азиатской» Москве (как и в азиатской Турции, в азиатском Иране и т. п.), но не на «европейской» Украине. Политически тенденциозный характер этой концепции слишком очевиден, особенно если принять во внимание, что очередь кандидатов, толпящихся у дверей Европейского Союза, становится все длиннее.

аграрного общества к индустриальному обществу Нового времени. В той или иной форме ее благоденствий и связанных с нею потрясений и невосполнимых потерь суждено на собственном опыте испытать всем странам земного шара³⁰. История человечества сложилась таким образом, что в силу целого ряда условий, анализ которых увел бы нас слишком далеко от предмета исследования³¹, первыми на путь модернизации стали страны Западной Европы. Неевропейские страны, ныне относимые к Западу, населены преимущественно выходцами из той же Западной Европы: к ним относятся бывшие британские колонии – Соединенные Штаты Америки, Канада, Австралия и Новая Зеландия. Для этих стран модернизация не оборачивалась **вестернизацией** – перестройкой всех экономических, правовых, общественных и даже ментальных структур на западный (то есть западноевропейский) лад. Другое дело – славянские страны, особенно *Slavia Orthodoxa*, а также Греция и, конечно, страны Азии и Африки³². Пережить модернизацию означало для них в той или иной степени переориентировать свою культуру на Запад. Последнее относилось и ко всем странам, входившим в византийское содружество наций: они были частью Европы, но не частью Запада, как, впрочем, и страны Пиренейского полуострова – Испания и Португалия. Единственным же примером успешной модернизации, совершенной благодаря усилиям неевропейцев, является Япония, хотя результаты ее вестернизации оказались весьма неоднозначными³³.

Вестернизация стала уделом и России. В XVII–XVIII веках происходит достаточно резкая смена цивилизационной и культурной ориентации: спустя два столетия после распада византийской ойкумены русская культура становится периферийной по отношению к Западной Европе – миру во многом неведомому, казавшемуся то экзотическим, то прямо враж-

³⁰ Подробный анализ социально-экономических и политических процессов, сопутствовавших модернизации, содержится в следующих работах: К. Mannheim, *Man and Society an Age of Reconstruction. Essays in Modern Social Structure*, London 1942; С.Е. Black, *The Dynamics of Modernization. A Study in Comparative History*, New York 1967.

³¹ Отсылаю читателей к фундаментальному труду «патриарха» французских историографов – Фернана Броделя (F. Braudel, *Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XV–XVIII siècle*, vol. I–III, Paris 1979).

³² Подобнее см.: Ph. Bagby, *Culture and History. Prolegomena to the Comparative Study of Civilizations*, London 1958, p. 241–244.

³³ Сравнительный анализ японской и русской модернизации (увы, не в пользу России) см. в кн.: С. Black and al., *The Modernization of Japan and Russia*, New York 1977.

дебным. Вестернизация сразу же привела к разногласию в рядах интеллигенции, результатом чего стало разделение на новаторов – энтузиастов поренессансной Европы и традиционалистов – блюстителей родного благочестия. При определенных условиях такое психологическое размежевание могло перерасти в серьезное столкновение идеологических позиций³⁴. Однако, пожалуй, нигде на свете, кроме России и Японии, не возникало столь сходных по своему характеру группировок, как русские западники и сторонники японского либерально-обновленческого движения, выступавшие под лозунгом «буммеи-каика» (цивилизация и просвещение), и противоположной пары – я имею в виду японских изоляционистов и русских славянофилов³⁵. По-видимому, такое поразительное совпадение программы русских и японских интеллектуалов обоих направлений объясняется тем, что и Япония, и Россия, располагаясь на скрещении различных цивилизационных потоков, представляли из себя пограничные культуры, а тамошние образованные круги обладали высокой степенью национального самосознания, веками подкрепляемого сильной потребностью во внешнеполитическом успехе³⁶. Не менее существенно то обстоятельство, что культура обеих стран развивалась в условиях относительной замкнутости. Пограничный характер русской культуры, ее промежуточное положение между Западом и Востоком бросались в глаза как самим русским, так и иностранцам³⁷ и являлись необходимым следствием геополити-

³⁴ См.: A. J. Toynbee, *A Study of History*, London 1954: vol. VIII, p. 88; vol. IX, p. 166; L. A. Coser, *Men of Ideas: A Sociologist's View*, New York 1965.

³⁵ О японских «западниках» см., напр.: J. W. Hall, *Japan: from Prehistory to Modern Times*, New York 1971, p. 285–293.

³⁶ Мой краковский коллега Богдан Лазарчик, один из наиболее талантливых польских русистов, определил эту особенность русских замечательной фразой: «Мечтает русский о победе». Фраза эта представляет собой парафразу строки из поэмы Пушкина *Кавказский пленник*: «Мечтает русский о побеге» (А. С. Пушкин, *Полное собрание сочинений в десяти томах*, т. IV. Москва–Ленинград 1949, С. 125).

³⁷ Ср., напр., высказывание маркиза де Кюстина: «Москва, лежащая на границе двух континентов, является привалом между Лондоном и Пекином» (Маркиз де-Кюстин, *Николаевская Россия*, Москва 1990, С. 194) со словами Герцена, написавшего в брошюре *О развитии революционных идей в России*, что судьба этой страны, «помимо всего прочего, заключается и в том, чтобы стать великим караван-сараям цивилизации между Европой и Азией» (А.И. Герцен, *Собрание сочинений в тридцати томах*, т. VII, Москва 1956, с. 156. В дальнейшем все ссылки на сочинения Герцена приводятся по этому изданию, номера тома и страницы указаны в скобках). Не исключено, конечно, что Герцен просто заимствовал этот образ у Кюстина.

тической ситуации России. Поэтому в условиях кризиса традиционной (средневековой, патриархально-иерархической) культуры, который в России приходится на XVII век, в просвещенных кругах появляется группа людей, у которых любое столкновение с Западной Европой порождало горькое сознание собственной отсталости и желание решительным образом порвать с «отеческим законом» и преданиями старины, чтобы стать в один ряд с европейскими странами, чья цивилизация осмыслялась как общечеловеческая. Этих людей я буду в дальнейшем называть русскими европейцами.

*

Кто такой русский европейец? Каковы его отличительные черты? На эти, казалось бы, простые вопросы порой даются самые разные, противоречащие друг другу ответы. Владимир Кантор, автор недавно вышедшей в свет замечательной, нужной и полезной книги *Феномен русского европейца*, считает, что европеизм – это «тот реалистический и исторический взгляд на судьбу России и Запада, которому была важнее живая действительность, а не утопические упования на возможность существования где-то некоего идеального мироустройства»³⁸. Но такое определение немного поясняет. Ведь самым трезвым реалистом и совершенным европейцем по типу воспитания был, к примеру, Константин Леонтьев, но энтузиастом западноевропейской цивилизации его никак не назовешь; реалистом был также Василий Розанов, но ни тип его поведения, ни культурные привычки и наклонности, ни убеждения нельзя назвать ни вполне европейскими, ни тем более проевропейскими. Поясняя свою мысль, В. К. Кантор обращается к образу Версилова из романа Достоевского *Подросток* и приходит к весьма любопытным выводам:

В романе *Подросток* нарисован потрясающий образ Версилова, русского европейца, как его понимал писатель, а именно: человека, уверенного, что он уловил суть европейской культуры, европейского духа в его целостности, в его сути, не как частную идею входящих в Европу стран (не как французскую, немецкую или британскую идею), а как идею всеевропейскую, объединяющую всю Европу. В этой претензии на всеобъемлемость, на понимание центра Европы – и величие этого русского европейца, этого гражданина

³⁸ В. К. Кантор, *Феномен русского европейца...*, С. 9.

мира (по Диогену и Петрарке), и его слабость, некая как бы условность, фантазм его европеизма, ибо *подлинный европеизм произрастает изнутри своей культуры – но в процессе преодоления и переосмысления, одухотворения и преосуществления ее почвенных основ*. Такими были основатели великих европейских культур – Данте и Сервантес, Рабле и Шекспир, Гёте и Пушкин. Не сумевший преодолеть свою почву, а потому беспочвенный русский европеец был типичен для барско-интеллигентской массы, не ощутившей еще ценности своего личного бытия – основы европейского мироощущения³⁹.

Как верно, как превосходно замечено: «подлинный европеизм произрастает изнутри своей культуры»! Но что такое «барско-интеллигентская масса»? Неужели Герцен, послуживший прототипом образа Версилова (для точности поясню: главным образом как автор книги *С того берега*⁴⁰), был представителем этой «массы»? Неужели он не ощущал «ценности своего личного бытия»? Каждый, кто хоть однажды взял в руки *Былое и думы* и прочитал хотя бы одну единственную главу этой замечательной *истории личности*, знает, что это не так. Зачем же верить на слово очень умному, но куда как утопичному (разве почвенничество не утопия?) и куда как тенденциозному Достоевскому, который имел полное право быть тенденциозным и вдобавок очень неточным, поскольку писал не культурологическое исследование, а полифонический роман, где диалогическая правда существует на равных правах с диалогическим домыслом? Короче: неужели Герцен не был русским европейцем?

Увы, автор книги о русских европейцах к таковым его не причисляет. Так же, как и других романтиков и утопистов (как «правых», так и «левых»), для которых западноевропейская бытовая, книжная и духовная культура была естественной «средой обитания» – Петра Чаадаева, Федора Тютчева, Михаила Бакунина, Петра Лаврова. С точки зрения В.К. Кантора, и вымышленный Версильов, и реальный Герцен, и все вышеупомянутые лица – **не русские европейцы, а русские западники или русские скитальцы-псевдоевропейцы**. Понятию «западники» исследователь придает резко отрицательное значение и выдвигает против них серьезное обвинение: по его мнению, эта «беспочвенная» «барско-интели-

³⁹ Там же. Курсив В.К. Кантора – В.Щ.

⁴⁰ См.: А.С. Долинин, *Последние романы Достоевского*, Москва–Ленинград 1963, С. 95–126; С.Д. Лицинер, *Герцен и Достоевский. Диалектика духовных исканий*, «Русская литература» 1972, № 2, С. 37–61.

гентская масса», сакрализируя Европу воображаемую и разочаровавшись в Европе реальной, подготовила почву для торжества в России тоталитарных идей⁴¹.

Подлинными русскими европейцами, продолжает В.К. Кантор, не берут из Европы готовые результаты ее мышления, а создают у себя такое же отношение к знаниям, к науке, какое существует там. Ученый сочувственно цитирует следующие слова одного из столпов западничества 1840-ых годов – Константина Кавелина:

Вынуждены будем, по примеру европейцев, вдуматься в источники зла, которое нас гложет. Тогда нетрудно будет указать и на средства, как его устранить или ослабить. Такой путь будет европейским, и только когда мы на него ступим, зародится и у нас европейская наука. <...> Очень вероятно, что выводы эти будут иные, чем те, до каких додумалась Европа; но, несмотря на то, знание, наука будут у нас тогда несравненно более европейскими, чем теперь, когда мы без критики принимаем результаты исследований, сделанных в Европе. Предвидеть у нас другие выводы можно потому, что условия жизни и развития в Европе и у нас совсем иные. Там до совершенства выработана теория общего, отвлеченного, потому что оно было слабо и требовало поддержки; наше большое место – пассивность, стертость нравственной личности. Поэтому нам предстоит выработать теорию личного, индивидуального, личной самостоятельности⁴².

Выработка теории личности, формирование ее нравственного строя, кропотливый органический труд в духе «теории малых дел», без надежды на полное разрешение всех существующих проблем, на исчезновение зла и разных несовершенств (чудес не бывает ни у нас, ни в Европе!) – такова, по мнению В.К. Кантора, программа русских европейцев, которые «понимали, что Европа – «вещь реальная, живущая не чудесным образом, а трудом, неустанными усилиями». Они не сакрализовали Европу, но верили, что и Россия способна включиться в общеевропейский «процесс самоопределения и самосовершенствования»⁴³. Далее приводится перечень избранных «русских европейцев», по принципу «перечислим наугад»:

⁴¹ См. В.К. Кантор, *Феномен русского европейца...*, С. 10-16.

⁴² К.Д. Кавелин, *Наш умственный строй*, Москва 1989, С. 317. Цит по: В.К. Кантор, *Феномен русского европейца...*, С. 15-16.

⁴³ В.К. Кантор, *Феномен русского европейца...*, С. 16.

<...> это Петр Великий, М. В. Ломоносов, Н. М. Карамзин, А.С. Пушкин, А.С. Хомяков, И.В. Киреевский (издававший, кстати, журнал «Европеец»), М.Ю. Лермонтов, Н.И. Лобачевский, А.К. Толстой, И.А. Гончаров, И.С. Тургенев, Н.Г. Чернышевский, К.Д. Кавелин, В.О. Ключевский, С.М. Соловьев, В.С. Соловьев, И.И. Мечников, Д.И. Менделеев, А.П. Чехов, И.А. Бунин, П.А. Столыпин, Г.В. Плеханов, П.Б. Струве, Е.Н. Трубецкой, И.П. Павлов, П.Н. Миллюков, В.И. Вернадский, Ф.А. Степун и др.⁴⁴

Несмотря на целый ряд возникающих сомнений (скажем, на каком основании европейцами названы непрактичный романтик Лермонтов и практичный романтик, а к тому же и славянофил Хомяков?), концепцию В.К. Кантора следует признать продуманной и логичной. Что не означает полностью с нею согласиться. Ведь именно следуя ее логике, приходится отказать в европеизме «русскому денди» Чаадаеву (чей универсалистский утопизм, в отличие от утопизма того же Тютчева, не был столь «вредным») или, лишив почетного звания европейца Герцена, присвоить его Чернышевскому – разумеется, никакому не «революционному демократу», как гласил советский миф, но все же тому, кто «решительным образом перепахал» самого Ленина! И разве не восстает против подобной несправедливости простая интуиция историка культуры, который прекрасно знает, что Александр Герцен (или Шушка, как его звали дома), сын екатерининского вельможи и дрезденской мещанки, в раннем детстве читал в оригинале Вольтера, Гёте и Шиллера, а Николай Чернышевский (или Канашечка, как называла его жена), сын саратовского протоиерея и поповны, не мог оградить себя от оскорблений петербургского домовладельца, который застал его испражняющимся в саду⁴⁵? Или: почему мы ставим Лаврова на одну доску с Бакуниным и Ткачевым, всех троих причисляя к предшественникам большевизма и забывая о том, что автор *Исторических писем* гораздо ближе по своим взглядам не к этим двум выдающимся демагогам, а к Плеханову – действительно русскому европейцу? Неужели антиномия реализма и утопизма в самом деле оказывается решающим критерием европеизма?

Ну что ж, «чистый» историк *идеи*, поставив, быть может, под сомнение некоторые частности, в целом примет аргументацию В.К. Кантора: ведь его интересует не то, как люди себя ведут, и даже не их мироощущение, а то, какие идейные концепции они

⁴⁴ Там же, С. 16–17.

⁴⁵ См. соответствующую запись в дневнике писателя – Н.Г. Чернышевский, *Полное собрание сочинений в 16 томах*, Москва 1939. С. 295–296.

выстраивают и чем эти концепции чреваты. Но историк культуры не согласится с таким подходом, потому что он может не принять во внимание одного необыкновенно важного обстоятельства. Дело в том, что нельзя изучать *содержание* идей, не понимая той специфической *формы*, в которой они создавались и высказывались, а форма эта зависит от широкого культурного и психологического контекста, в котором каждый человек был воспитан и в котором он существовал. Тот факт, что родным языком *русского европейца* Чаадаева (и, кстати, русского европейца Пушкина) был книжный французский, оказал самое существенное влияние и на характер мировоззрения «мыслителя с Басманной», и на содержание его идей, поскольку «западный силлогизм» был впитан им едва ли не с молоком матери. Тот факт, что *русский европеец* Герцен был внебрачным сыном вольтерьянца и прочитал Вольтера раньше, чем Священное Писание, способствовал тому, что он стал энтузиастом не старой, дореволюционной, а новой Европы, и, будучи помноженным на культ декабристов, сделал из него утопического социалиста. Тот факт, что Чернышевский учился в православной духовной семинарии – учреждении, далеком от западноевропейских стандартов, наложил неизгладимый отпечаток на стиль его поведения – не дворянский, но еще не чеховский, а потому он если и стал русским европейцем, то в смысле содержания основных идей, но не по образу мышления и культурного поведения.

Короче говоря, будучи историком культуры, я не могу себе представить, чтобы европеец мог *вести себя* не по-европейски. Ведь жизнь даже в ее духовном аспекте слагается не только из того, что человек говорит и пишет. Важно и то, какой у него характер, кем, где и как он был воспитан, какие книги он любил читать, какие впечатления получил он в детстве, каким был его Дом... Лучше всего, лапидарнее всего выразил эту мысль Юрий Лотман: «История проходит через дом человека, через его частную жизнь»⁴⁶. Ведь и просто русским, и русским европейцем человек становится дома, входит в большую историю через Дом. Иного пути нет⁴⁷.

Я представляю себе исторический тип русского европейца, в общем, традиционно. Для меня это прежде всего человек, который получил европейское воспитание, усвоил европейскую манеру поведения, который по-европейски обучен наукам. Евро-

⁴⁶ Ю.М. Лотман. *Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя*// Ю.М. Лотман, *Пушкин. Биография писателя. Статьи и заметки. 1960–1990. «Евгений Онегин». Комментарий*, Санкт-Петербург 1995, С. 138.

⁴⁷ И это, как никто другой, знает Владимир Кантор – автор замечательной повести *Два дома*.

пеец не может вести себя, как Ноздрев, или рассуждать, как Дмитрий Карамазов⁴⁸. Однако все это необходимые, но не достаточные условия для того, чтобы удостоиться чести называться русским европейцем. И тут В.К. Кантор совершенно прав: он должен быть в самом деле сориентирован на культурные и нравственные ценности, выработанные Европой и, в частности, Западной Европой *после XIII века* – в период позднего Средневековья, Возрождения, барокко, классицизма и, наконец, в эпоху Просвещения. Назову (в который раз!) главные из них: личное достоинство индивида, цивилизованность, понимаемая как преодоление зависимости человека от природы, творческая активность, вера в прогресс, толерантность. И далее: нельзя не согласиться с той важной мыслью Кавелина, согласно которой быть европейцем значит не боготворить Европу, не стараться буквально пересаживать западноевропейские теории на русскую почву, а научиться по-европейски думать и чувствовать, по-европейски относиться к нравственности и науке, к вере и знанию, к добру, истине и красоте. Одним словом, **русский европеец – это во всех отношениях европейски образованный русский человек.**

Много ли таких людей в современной России? Способны ли они успешно противостоять идеологии неославянофильства и евразийства, активизация которых так беспокоит европейский Запад? На мой взгляд, их не так мало и у них есть много шансов для того, чтобы убедить колеблющееся русское общество в перспективности европейской модели развития. Европейское всегда, во все века импонировало подавляющему большинству русских, даже славянофилам. Трудности начинались тогда, когда Европа поворачивалась к России спиной, страшаясь ее силы или «дикости», во многом воображаемой, мифической, а может быть, просто опасаясь ее конкуренции на своих собственных и на азиатских рынках. Но если сегодня Европа в очередной раз не испугается и не отгородится от России визами, эмбарго и пошлинами, в истории русского европеизма откроется новая светлая страница.

* Замечанные опечатки исправлены

⁴⁸ «Потому что если уж полечу в бездну, то так-таки прямо, вниз головой и вверх ногами, и даже доволен, что именно в унижительном таком положении падаю и считаю это для себя красотой. <...> Что уму представляется позором, то сердцу сплошь красотой. В содоме ли красота? Верь, что в содоме-то она и сидит для огромного большинства людей...» (Ф.М. Достоевский, *Полное собрание сочинений в тридцати томах*, т. 14, Ленинград 1976, С. 99–100).